

Staloverova A. V., PhD in political science, Associate Professor of Social Sciences of National University of Water Management and Nature Resources Use (Ukraine, Rivne), ucucannasav@mail.ru

Features of modern British security strategy

The security policy of the British coalition government of D. Cameron (2010–2015) is summarized: it's been proved that political forces of Tory and Liberal Democrat should have compromised to carry out unanimous course in the scope of national security, and the problems of the security strategy on parliamentary elections in 2015 are analyzed, particularly the comparative analysis of the modern safety strategy of leading British parties is exercised.

Under conditions of the appearance of new challenges and threats, transformation of international safety system, the questions of safety policy often become the object of attention of the British community and experts. The absence of cross-party consensus on most terms of safety strategy of the United Kingdom during the election campaign in 2015 makes the discussion about perspectives of the British safety policy still more urgent.

Keywords: UK, Great Britain, Cameron government, security, NATO, EU, political party.

Сталоверова А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин, Национальный университет водного хозяйства и природопользования (Украина, Ровно), ucucannasav@mail.ru

Особенности современной стратегии Великобритании в области безопасности

Подводятся итоги политики в области безопасности британского коалиционного правительства Д. Кемерона (2010–2015); доказано, что политическим силам консерваторов и либерал-демократов для проведения единого курса в сфере безопасности нужно было идти на компромиссы, а также анализируется проблематика в области безопасности на парламентских выборах 2015 г., в частности проводится сравнительный анализ современной политики в области безопасности партий Великобритании, сформировавших парламент. Предвыборная кампания 2015 г. стимулировала активные дискуссии по вопросам безопасности, а соответствующие разделы были включены в манифесты ведущих британских политических партий.

Ключевые слова: Великобритания, политика в области безопасности, ЕС, НАТО, политические партии, парламентские выборы.

* * *

УДК 323.1:316.485.6

Шуляк С. В., кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин, Университет таможенного дела и финансов (Украина, Днепропетровск), shulc1976@mail.ru

СОСЕДНЕЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИНТЕРВЕНТ: КЕНИЙСКОЕ И УГАНДИЙСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СОМАЛИ

Анализируется специфический характер вмешательства Кении и Уганды в вооруженный конфликт в Сомали. В качестве теоретико-методологической основы исследования избрана доминирующая в теории международных отношений парадигма политического реализма, доказавшая свою эвристическую ценность и в исследовании внутренних конфликтов. Главным определяющим мотивом вовлечения Кении и Уганды в сомалийские дела была и остается проблема сдерживания, недопущения распространения сомалийских конфликтов за пределы страны. Уганда заметно расходитс с другими ключевыми игроками, Эфиопией и Кенией, в вопросе о будущем политическом устройстве Сомали. Она выступает за усиление центрального правительства в Могадишо за счет региональных автономных образований, в то время как ее партнеры, из соображений национальной безопасности, явно предпочитают регионализацию.

Ключевые слова: Кения, Уганда, Сомали, вооруженная интервенция, безопасность, АМИСОМ

(статья друкється мовою оригіналу)

В последние два десятилетия Сомали – типичное рухнувшее государство, раздираемое межклановыми противоречиями и гражданской войной, где противостоят слабое центральное правительство, автономные региональные образования, племенные и исламистские милиции. Страна стала объектом приложенных усилий самых различных акторов мировой

политики, как отдельных государств, так и международных организаций. Причем наибольшую заинтересованность и активность проявляют соседние государства, чья собственная безопасность и стабильность зависит от ситуации в Сомали.

Неспособность рухнувших государств защищать свой суверенитет и контролировать политическую ситуацию на собственной территории порождает опасный вакуум власти не только внутри этих государств, но и в регионе, что угрожает стабильности соседних государств. Это заставляет государства-соседей, так или иначе, втягиваться во внутренние конфликты на территории слабых или уже фактически рухнувших государств. Внутренние конфликты почти никогда не бывают герметически запечатанными. Они воздействуют и вовлекают, тем или иным образом, соседние государства. Причем они выступают не только их невинными жертвами, но и вносят свой вклад в дальнейшую дезинтеграцию раздираемых конфликтами государств и дестабилизацию региона [1, p. 590–591].

Изучению различных аспектов сомалийского конфликта посвящено огромное множество публикаций, количество которых постоянно растет, так как актуальность проблемы не ослабевает. Тема иностранного вмешательства также не осталась без внимания. Можно указать на некоторые публикации по этой проблематике, а именно работы К. Сабалы [2], А. К. Алло [3], П. Дж. Кваранто [4], Дж. Стюарта [5], М. Ериксона [6], Дж. Фишера [7]. В данных работах указывается на весьма неоднозначные роль иностранных акторов в конфликте и последствия их действий, которые зачастую далеки от официально декларируемых целей, что ставит вопрос о реальных мотивах, которыми они руководствуются.

Данная статья логично продолжает тему иностранного вмешательства в сомалийский конфликт, затронутую в нашей предыдущей статье [8]. Ее целью является сравнительный анализ военного вмешательства Кении и Уганды в сомалийский конфликт, его мотивы, формы и результаты.

Учитывая специфику проблемного поля исследования, которое находится на стыке теории международных отношений и этнополитической конфликтологии, в качестве теоретико-методологической основы данного исследования избрана доминирующая в теории международных отношений парадигма политического реализма, доказавшая свою эвристическую ценность и в исследовании внутривнутриполитических, в том числе этнических конфликтов. Такой подход, в частности, предполагает рассмотрение действий участников конфликта с помощью концептов «национальный интерес», «баланс сил» «дилемма безопасности».

Сомалийский конфликт, в теоретическом плане, вполне может быть представлен как «новая война» в представлении М. Калдор. Этому типу насилия, с ее точки зрения, присуще размывание различий между войной, организованным преступлением и крупномасштабными нарушениями прав человека [9, с. 29]. «Новые войны», «несмотря на то, что большинство из них носят локальный характер, включают в себя несчетное число транснациональных связей, отчего трудно удержать различия между внутренним и внешним, между агрессивной (падением из-за рубежа) и репрессивной (атака изнутри страны) или даже локальным и глобальным» [9, с. 29–30].

Вооруженный конфликт в Сомали – это, прежде всего, комплексная гражданская война, в которой противоборствующие стороны сражаются за территории и контроль над правительством. Однако, кроме того, Сомали является полем боя, на котором противоборствуют различные вовлеченные в конфликт «вторичные» и «третичные» акторы [6, р. 24]. К «вторичным» относятся внешние игроки, которые выступают на стороне одной из основных («первичных») противоборствующих внутри страны сил. В зависимости от своих мотивов «вторичные» акторы могут менять свою роль, становясь «первичными» (непосредственно вступая в вооруженный конфликт и становясь одной из основных противоборствующих сил, как Эфиопия в 2006–2009 гг.) или выступая в качестве «третьей» стороны. Под «третьей» стороной понимаются акторы, имеющие интересы в конфликте, но предпочитающие придерживаться нейтральной позиции, зачастую выступая в качестве посредников. В случае Сомали такую роль играют различные международные организации (ООН, Африканский Союз, Межправительственная организация по развитию (ИГАД)).

«Первичные» и «вторичные» участники сомалийского конфликта в своих действиях руководствуются своими стратегическими интересами, прежде всего стремлением обеспечить собственную безопасность. Сомали и его соседи, включая различные этнические и клановые группы, сталкиваются с многочисленными дилеммами безопасности, которые обнаруживаются на нескольких уровнях, как в отношениях между государствами, так и в отношениях между группами, как внутри Сомали, так и за его пределами. С годами эти дилеммы только усложнялись. Как результат соседи Сомали и в первую очередь Эфиопия, Кения, Уганда всегда заметно присутствовали там, решая проблемы национальной безопасности.

Указанные государства поддерживали или, наоборот, противодействовали различным группам внутри Сомали. Они также давали приют различным группировкам, которые боролись против правительства в Могадишо. Иногда интервенции в Сомали предпринимались ими против собственных оппозиционных группировок укрывавшихся там. Иногда интервенции предпринимались с целью повлиять на динамику конфликта в нужном для соседа русле. М. Браун назвал такого рода интервенции «оппортунистическими», имея в виду, что государства вмешиваются во внутренние конфликты у соседей, извлекая выгоды из их внутренней слабости и беспорядков [1, р. 598].

Случай Кении интерес тем, что эта страна, в отличие от своих соседей в регионе, всегда занимала достаточно взвешенную позицию в отношении внутренних конфликтов в соседних государствах, воздерживаясь от непосредственного участия и предпочитая выступать в качестве посредника. Начавшееся 16 октября 2011 г. вторжение кенийские войск в южные районы Сомали для борьбы с отрядами исламистской организации «аш–Шабаб» на стороне Переходного Федерального Правительства (ПФП) Сомали – это первый случай в истории страны, когда ее войска были посланы воевать за ее пределами. Что же заставило Кению принять такое решение?

Аналитики из Международной кризисной группы (ICG) выделяют несколько факторов, подтолкнувших, кенийское руководство к решению об интервенции [10].

1. Проблема безопасности. Возросшая террористическая и криминальная активность, исходящая с территории политически дезинтегрированного Сомали, наносит ущерб туристическому бизнесу – важнейшей отрасли экономики. Началу военной операции непосредственно предшествовала серия похищений европейцев, отдохавших и работавших в Кении. Кенийское правительство стремится к созданию на юге Сомали зависимого автономного образования Джубаленд (или Азания), которое должно играть роль буфера между Кенией и территорией контролируемой «аш–Шабаб».

2. Проблема беженцев. В 2012 г. на территории Кении официально находились около 500 тыс. беженцев из Сомали. Кенийское правительство было озабочено ростом собственного сомалийского населения и растущего экономического влияния сомалийцев, а также усилением антисомалийских настроений в крупных городах. Этнические изменения, уже повлекли за собой политические последствия, в частности повлияли на результаты выборов, так как кенийцы склонны голосовать по этническому признаку. Начиная вторжение, кенийское правительство рассчитывало создать в подконтрольных районах Сомали «зоны безопасности», куда можно было бы выдворить беженцев.

3. Экономические интересы. Регион обладает значительными залежами нефти и кенийское руководство намерено воспользоваться результатами своей миссии для получения доступа к этим ресурсам. Кроме того привлекательным представляется контроль над важнейшим в регионе портом Кисмайо – центром прибыльной торговли. Наконец, Кения стремится максимально обеспечить свои долгосрочные планы экономического развития региона, предусматривающие создание транспортного коридора Южный Судан – Эфиопия.

Реакция на действия Кении со стороны ПФП, государств региона, а также США и ЕС была в целом позитивной, так как все они заинтересованы в новом союзнике в борьбе с исламистами (тем более, что с февраля 2012 г. кенийские войска формально стали частью сил Миссии Африканского Союза (АМИСОМ), что легитимировало их присутствие с точки зрения международного права).

Действия Кении имели неоднозначные последствия. С одной стороны, они объективно ослабили возможности исламистов в их противостоянии с центральным правительством, и в значительной степени устранили непосредственную угрозу для территории Кении, благодаря созданию автономного Джубаленда в качестве буфера. С другой же – они породили ряд угроз и проблем: 1) усиление террористической активности исламистов на территории Кении; 2) Кения рискует втянуться в межклановые противоречия на юге Сомали; 3) осложнение отношений с центральным правительством Сомали из-за Джубаленда; 5) существует опасность обострения отношений между Кенией, Угандой и Эфиопией из-за раздела сфер влияния в Сомали.

Главным определяющим мотивом вовлечения Уганды в сомалийские дела была и остается проблема сдерживания, недопущения распространения сомалийских конфликтов за пределы страны [6, р. 36]. Однако этим ее мотивация далеко не исчерпывается. Уганда извлекает экономическую и политическую выгоду из военной интервенции в Сомали. Борьба с исламистами и усилия по поддержанию

мира в Сомали является частью стратегии «управления имиджем» президента Й. Мусевени [7, р. 416–422]. Она позволяет ему укреплять связи с потенциальными донорами, прежде всего с США и Великобританией, создает ему имидж их важного и надежного партнера в борьбе с международным терроризмом и в решении проблем региона. Это позволяет ему ослабить критику негативных черт его режима (трайбализм и коррупция) и рассчитывать на получение всесторонней помощи с их стороны.

Уганда не имеет таких жизненно важных интересов в Сомали как Кения и, тем более, Эфиопия, которые ощущают явную угрозу своей безопасности. Ее присутствие в Сомали, скорее объясняется желанием обеспечить свое влияние на регион в целом, не уступить инициативу в решении его проблем Эфиопии и Кении [6, р. 31]. В отличие от последних, явно имеющих в Сомали собственную повестку и склонных к односторонним действиям (вплоть до вооруженного вторжения), Уганда рассматривает сомалийскую ситуацию скорее в региональном контексте и предпочитает действовать на многосторонней основе через механизмы международных организаций, таких как Африканский Союз или ИГАД.

Присутствие Уганды в Сомали приобрело ключевую роль с марта 2007 г., когда она предприняла вооруженную интервенцию в рамках сил Миссии Африканского Союза в Сомали (АМИСОМ). На сегодняшний день она имеет в их составе наибольший воинский контингент (более 6 тыс.) и играет ведущую роль в руководстве их операциями. Кроме прямых операций в Сомали, Уганда оказывает содействие в подготовке правительственных сил Сомали, которую осуществляет Европейский Союз на ее территории (EUTM). Еще один важный аспект ее участия – это содействие политическому процессу. Как пример можно привести Кампальское соглашение 2011 г., между президентом и спикером сомалийского парламента, гарантом которого выступил Й. Мусевени.

Следует отметить еще одно ключевое отличие в политике Кении и Уганды в отношении Сомали. Оно касается вопроса о его будущем политическом устройстве. Кения, и в еще большей степени Эфиопия, ощущающие непосредственную угрозу, исходящую от Сомали, заинтересованы в существовании на его территории, у своих границ, автономных от центрального правительства и зависимых от них буферных образований (Сомалиленд, Пунтленд, Джубаленд). Поэтому они явно предпочитают регионализацию и федерализацию страны. Подобная их позиция вызывает явное неудовольствие сомалийского правительства, стремящегося к укреплению собственного суверенитета, что приводит к серьезным трениям.

В то же время Уганда, не испытывая серьезных проблем с безопасностью, выступает за усиление центрального правительства в Могадишо за счет региональных автономных образований [6, р. 35–36]. Такая ситуация, объективно будет вести к дальнейшему укреплению связей между Кампалой и правительством в Могадишо, которое видит в Уганде более предпочтительного партнера. В то же время, вполне возможно, что учитывая крайнюю неоднородность политического ландшафта Сомали, где действует множество самых разнообразных акторов, Кампала в будущем попытается занять более «нейтральную» позицию. Это позволит ей активно участвовать в урегулировании различных

региональных конфликтах, порожденных вовлечением внешних сил в сомалийскую гражданскую войну. Существенное влияние на угандийскую позицию могут оказать внутривнутриполитические факторы и изменение международной обстановки, в частности ситуация в Демократической Республике Конго.

В завершении следует отметить, что все упомянутые «вторичные» игроки в сомалийском конфликте вынуждены учитывать позиции и взаимодействовать, в той или иной форме, слиятельными заинтересованными региональными организациями, прежде всего Африканским Союзом и ИГАД. Изучение специфики их вовлечения в конфликт должно стать отдельным направлением в исследовании иностранного вмешательства в Сомали.

Список использованных источников

1. Brown M. The Causes and Regional Dimensions of Internal Conflict / Michael E. Brown // Brown M. (ed.) The International Dimensions of Internal Conflict. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – P.571–601.
2. Sabala K. Regional and extra-regional inputs in promoting (in) security in Somalia / Kizito Sabala // Roba Sharamo, Berouk Mesfin (Eds.) Regional Security in the Post-Cold War Horn of Africa. – Pretoria: Institute for Security Studies, 2011. – P.95–118.
3. Allo A. K. Ethiopia's Armed Intervention in Somalia: The Legality of Self-Defense in Response to the Threat of Terrorism / Awol K. Allo // Denver Journal of International Law and Policy – Winter, 2010. – Vol.39, №1. – P.139–167.
4. Quaranto P. J. Building states while fighting terror: contradictions in United States strategy in Somalia from 2001 to 2007 / Peter J. Quaranto. – Pretoria: Institute for Security Studies, 2008. – v, 75 p.
5. Stupart J. Jus Ad Bellum and intervention in Somalia: why a military response can still work / John Stupart // Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies. – 2011. – Vol.39, №2. – P.76–98.
6. External Intervention in Somalia's civil war: security promotion and national interests? / Mikael Eriksson (Eds). – Swedish Defense Research Agency, November 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://www.foi.se>
7. Fisher J. Managing donor perceptions: contextualizing Uganda's 2007 intervention in Somalia / Jonathan Fisher // African Affairs. – July 2012. – Vol. 111. – №444. – P.404–423.
8. Шуляк С. В. Региональная держава как интервент: эфиопская вооруженная интервенция в Сомали / С. В. Шуляк // Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. – К.: «Видавництво «Гілея», 2014. – Вип.91 (12). – С.409–413.
9. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.
10. The Kenyan Military Intervention in Somalia // International Crisis Group Africa Report №184, 15 February 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/africa/horn-of-africa/kenya/184> – The Kenyan Military Intervention in Somalia.pdf

References

1. Brown M. The Causes and Regional Dimensions of Internal Conflict / Michael E. Brown // Brown M. (ed.) The International Dimensions of Internal Conflict. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – P.571–601.
2. Sabala K. Regional and extra-regional inputs in promoting (in) security in Somalia / Kizito Sabala // Roba Sharamo, Berouk Mesfin (Eds.) Regional Security in the Post-Cold War Horn of Africa. – Pretoria: Institute for Security Studies, 2011. – P.95–118.
3. Allo A. K. Ethiopia's Armed Intervention in Somalia: The Legality of Self-Defense in Response to the Threat of Terrorism / Awol K. Allo // Denver Journal of International Law and Policy – Winter, 2010. – Vol.39, №1. – P.139–167.
4. Quaranto P. J. Building states while fighting terror: contradictions in United States strategy in Somalia from 2001 to 2007 / Peter J. Quaranto. – Pretoria: Institute for Security Studies, 2008. – v, 75 p.
5. Stupart J. Jus Ad Bellum and intervention in Somalia: why a military response can still work / John Stupart // Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies. – 2011. – Vol.39, №2. – P.76–98.

6. External Intervention in Somalia's civil war: security promotion and national interests? / Mikael Eriksson (Eds). – Swedish Defense Research Agency, November 2013 [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://www.foi.se>

7. Fisher J. Managing donor perceptions: contextualizing Uganda's 2007 intervention in Somalia / Jonathan Fisher // African Affairs. – July 2012. – Vol.111. – №444. – P.404–423.

8. Shuliak S. V. Regional'naya derzhava kak intervent: efiopskaya vooruzhennaya interventsija v Somali / S. V. Shuliak // Gileya: naukovyy visnyk: zbirnyk naukovykh prats' / gol. red. V. M. Vashkevych. – K.: «Vydavnytvo «Gileya», 2014. – Vyp.91 (12). – S.409–413.

9. Kaldor M. Novyye i staryie voynyi. Organizovannoe nasilie v globalnuyu epohu / per. s angl. A. Appolonova, M. Dondukovskogo; red. perevoda A. Smirnov, V. Sofronov. – M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2015. – 416 s.

10. The Kenyan Military Intervention in Somalia // International Crisis Group Africa Report №184, 15 February 2012 [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/africa/horn-of-africa/kenya/184> – The Kenyan Military Intervention in Somalia.pdf

Shuliak S. V., candidate of political sciences, docent, docent of the department of philosophy, social and political sciences of the University of Customs and Finance (Ukraine, Dnipropetrovsk), shulc1976@mail.ru

A neighbouring state as an intervenor: Kenyan and Ugandan military intervention in Somalia

The specific character of neighboring state interference in the internal conflict on the example of the Kenyan and Ugandan military intervention in Somali is analyzed. The political realism paradigm, which is dominant in international relations theory and has proved its heuristic value in the study of domestic conflicts, has been chosen as a theoretical and methodological framework of this study. The main determining motive of the military involvement of Kenya and Uganda in Somalia has been and still remains the problem of deterrence and prevention of the spread of the Somali conflict outside the country. Uganda differs from other key players – Ethiopia and Kenya – in the question of the future political structure of Somalia. It supports the strengthening of the Central government in Mogadishu at the expense of the regional Autonomous entities, while its partners have a preference of regionalization because of national security considerations. This promotes a trust between Uganda and the government in Mogadishu, which sees Uganda as a preferred partner.

Keywords: Kenya, Uganda, Somalia, military intervention, security, AMISOM.

Шуляк С. В., кандидат політичних наук, доцент, доцент кафедри філософії та соціально-політичних дисциплін, Університет митної справи та фінансів (Україна, Дніпропетровськ), shulc1976@mail.ru

Сусідня держава як інтервент: кенійська та угандійська збройна інтервенція в Сомалі

Аналізується специфічний характер втручання сусідньої держави у внутрішній конфлікт на прикладі кенійської та угандійської збройної інтервенції у Сомалі. У якості теоретико-методологічної основи дослідження обрана домінуюча у теорії міжнародних відносин парадигма політичного реалізму, що довела свою евристичну цінність і у дослідженні внутрішніх конфліктів. Головний визначальний мотив військового втручання Кенії та Уганди в Сомалі була та залишається проблема стримування, запобігання виходу сомалійських конфліктів за кордон країни. Уганда помітно розходиться з іншими ключовими гравцями, Ефіопією та Кенією, в питанні про майбутній політичний устрій Сомалі. Вона виступає за посилення центрального уряду в Могадішо за рахунок регіональних автономних утворень, у той час як її партнери, з міркувань національної безпеки, явно віддають перевагу регіоналізації.

Ключові слова: Кенія, Уганда, Сомалі, збройна інтервенція, безпека, AMISOM.

* * *

УДК 32:91

Mammadov Shahriyar,
doctoral student, Baku State University
(Baku, Azerbaijan), matlabm@yandex.com

OIL STRATEGY OF THE UNITED STATES

This article examines oil strategy of the United States which has undergone significant change over the last century. Considering recent technological advancements and significant changes in oil production and demand, the paper attempts to present a brief outline of the current petroleum strategy of the USA and identifies its major elements. The writer also evaluates how the country which is long cognizant of the

nexus between oil and national security utilizes its oil strategy against modern multi-facet challenges.

Keywords: oil strategy, global economy, oil production, hydrocarbon resources, global petroleum, economic impact, subsoil reserves, the importance of oil, core elements of the U.S. oil strategy.

(Стаття друкується мовою оригіналу)

Nowadays the importance of oil can hardly be overstated in the world. It is common knowledge that the black fluid plays a gravity role in the global economy, but through spinoff effects it does not leave the political, ecological or social spheres unaffected. While the quantity of the world's oil reserves is yet to be conclusively established, it seems safe to point out that the reserves are finite, for the chemical processes take eons to form the hydrocarbons we so much rely on today. As is usually the case with any constrained resource of vital economic relevance, the commonwealths consciously develop strategies to secure supply. This paper attempts to describe the strategic stance of one of the key consumer and producer of oil: the United States. Through the journey, after a brief historic overview the work visits the state of global oil affairs as well as the core drivers of oil strategy to arrive to detail the core elements of the U.S. oil strategy.

Historic Perspective. According to Maugeri (2006), since the beginning of human culture oil has been used as a substance of medicine, warfare and construction, but its role remained marginal for millennia. The breakthrough took place in the 19th century, when chemistry discovered some of its unique characteristics and it began to infiltrate the industrializing economies as the energy source of illumination to replace the very limited and growingly expensive whale fat. The sufficient oil production technology (drilling) was invented in the United States in the 1850s, which ignited a “black gold rush” and subsequently a proliferation of oil producers. The production side of the oil business was soon consolidated by J.D. Rockefeller, whose company (Standard Oil) built a monopolistic corporate empire. The monopoly was forced by the administration to disassemble soon, and the world's crude production shifted to be dominated by an oligopoly of corporations, frequently dubbed by the “Seven Sisters”. The initial total control of the Sisters over production was increasingly challenged by the countries holding the reserves, and eventually they regained control and ownership over their subsoil reserves. Since 1960, the plans and actions of the oil exporting countries have been coordinated by their international organization, OPEC (OPEC, n.d.). With the receding western influence over the global petroleum resource, the sentiment towards oil (along with the price of a barrel of crude) have fluctuated between optimism of abundance and fear of scarcity – irrelevant of the fact that production have had no problem so far to more than match the steadily incremental global consumption. (Maugeri, 2006).

State of Affairs in Global Petroleum. In accordance with the database compiled by the U.S. Energy Information and Administration (2015), the total petroleum output of the world has substantially and steadily increased from 60 million to over 93 million barrels per day between 1980 and 2014. Breaking down the total production by worldwide regions reveals a geographically disperse pattern with the Middle East heading the race with adamantly solid production (27.8 MBPD in 2014), North America catching up recently (21.2 MBPD in 2014), Eurasia returning volumes after the collapse of the command economy (13.9 MBPD in 2014) and Europe falling back (3.9 MBPD in 2014). (Figure 1)